УДК 94(37)"378"

А. В. Банников

Военно-историческая реконструкция битвы при Адрианополе (9 августа 378 г.)

Битва при Адрианополе состоялась 9 августа 378 г. в римской провинции Фракия. Это столкновение было между римской армией под командованием императора Валента и восставшими готами. Этот разгром римлян стал началом окончательного краха западной части Римской империи и ее военной мощи. Это сражение было симптомом кризиса политической и административной системы римской государственности.

Ключевые слона: Адрианополь, Рим, готы, Валент

Andrej V. Bannikov

The military-historical reconstruction of the Battle of Adrianople (August, 9, 378 AD)

The Battle of Adrianople took place in August, 9, 378 AD in the Roman province of Thracia. This struggle was between a Roman army led by the imperator Valens and Gothic rebels. This defeating of the Roman army became the start of the final collapse of the Western part of the Roman Empire and its military strength. This battle was the symptome of crisis of political and administrative system of the Roman state.

Keywords: Adrianople, Rome, Goths, Valens

Тема сражения под Адрианополем и то, как оно повлияло на ход военной истории и характер римской армии, уже неоднократно обсуждалась как в отечественной, так и в зарубежной историографии[1]. Оценки, которые даются этому историческому событию, носят порой диаметрально противоположный характер. Одни исследователи видят в адрианопольском сражении начало новой эпохи в развитии военного искусства, полагая, что победа варваров продемонстрировала решительное превосходство кавалерии над пехотой[2]. Другие не склонны преувеличивать значение военного поражения римлян[3].

Единственным источником, позволяющим нам в общих чертах реконструировать события, непосредственно предшествовавшие Адрианопольской катастрофе, и ход самой битвы является труд Аммиана Марцеллина[4]. К сожалению, историк подошел к вопросу описания событий 378 г. скорее как писатель, нежели как военный специалист, и не сообщил нам ни какова была точная численность армий противоборствующих сторон, ни конкретных деталей самого сражения. Даже картина событий, непосредственно предшествующих сражению, представляется крайне неясной и запутанной.

Точных данных о численности римской и готской армий, столкнувшихся под Адрианополем, как мы уже отметили, у нас нет. В современной зарубежной историографии наиболее аргументированной представляется версия Ф. Ришардо, который, сопоставив вслед за Г. Дельбрюком[5] сообщения Аммиана и Зосима[6], пришел к выводу, что армия Валента состояла из семи подразделений пехоты, каждое из которых могло насчитывать от 700 до 1000 человек[7]. Римская конница, по мнению Ф. Ришардо, была явно слабее конницы готов, и, основываясь на этом предположении, исследователь приходит к заключению, что она не превышала 3000 человек[8]. Для армии готов Ф. Ришардо дает цифры 10 000 и 5000 соответственно. Вслед за Ф. Ришардо эти расчеты были приняты П. Космом[9] и некоторыми другими исследователями. Таким образом, в битве, ставшей по свидетельству Аммиана, столь же кровопролитной, как и битва при Каннах[10], участвовало, по мнению Ф. Ришардо, не более 25 тыс. человек. Римляне потеряли 2/3 армии[11], что, согласно расчетам Ф. Ришардо, составляет около 6000. Потери готов неизвестны, но не думается, чтобы они измерялись тысячами убитых. Следовательно, если мы примем расчеты Ф. Ришардо, то окажется, что масштабы Адрианопольской битвы были меньшими, чем масштабы сражений при Аргенторате, Кателаунах или Аргентарии, произошедших в ту же самую эпоху. По мнению Г. Дельбрюка, армия Валента была многочисленнее готской. Численность последней он принимает равной 10 000, следовательно, римлян было на несколько тысяч больше[12]. Подобные расчеты тем не менее противоречат данным наших источников, показывающих, что под Адрианополем столкнулись гораздо более значительные силы.

Попробуем определить приблизительную

численность римской армии, которая непосредственно приняла участие в сражении под Адрианополем. Во-первых, начнем с того, что в конце 364 г. императоры Валентиниан и Валент разделили между собой армию, собранную Юлианом для войны с персами[13]. Если мы предположим, что раздел был более или менее равным, то у каждого из императоров должно было оказаться в распоряжении не менее 40 тыс. солдат. Во-вторых, как сообщает нам Аммиан, накануне восстания готов Валент вел войну с персами, и военные действия складывались для римлян весьма удачно[14]. Более того, император наметил весной 377 г. крупномасштабное вторжение в Персию. Предполагалось сформировать три армии, для чего велись большие военные приготовления[15]. Уже в 368 г. в Армению прибыл римский корпус в составе 12 легионов под командованием Аринфея[16], который, очевидно, во время предстоящего похода должен был образовывать одну из трех самостоятельно действовавших военных группировок[17].

Таким образом, когда Валент понял, что потушить восстание готов силами местных властей уже не удастся, то после заключения мира с персами он мог употребить все наличные войска для борьбы на Балканах. Конечно же, не нужно забывать, что, предпринимая большой поход, в IV в. римские императоры всегда привлекали в армию большое количество готских наемников («скифов»)[18]. Валент также вербовал вспомогательные отряды готов перед предполагаемым походом в Персию, однако, узнав о событиях во Фракии, разместил их в восточных городах[19]. Тем не менее, хотя император и вынужден был отказаться от услуг готов, он укрепил свою армию, присоединив к ней множество ветеранов[20]. Кроме того, Аммиан утверждает, что армия Валента состояла из различных войск[21], что, возможно, свидетельствует о том, что ее состав мог быть усилен дополнительными отрядами, составлявшие гарнизонные подразделения. Далее обратим внимание на тот факт, что Аммиан называет силы Юлиана, с которыми он в 357 г. защищал Галлию, небольшими[22]. Тем не менее эта армия, насчитывала 13 000 человек, т. е. более того, чем по расчетам Ф. Ришардо располагал в 378 г. Валент. С другой стороны, говоря об армии Валента, Аммиан, напротив, обращает внимание на ее многочисленность[23]. Итак, мы приходим к выводу, что при Адрианополе армия, которой располагал Валент, была достаточно большой.

Легионы, стоявшие в Армении, были выведены оттуда только после того, как Валент вынужден был отказаться от своих завоевательных планов, заключить мир с Персией[24] и обратить все свое внимание на борьбу с готами. Под предводительством магистра армии Траяна, командовавшего военными силами Армении[25], и комита Профутура 12 армянских легионов были переброшены во Фракию[26]. В конце лета 377 г.[27] у города Салиция они получили значительные подкрепления: по приказанию Грациана на помощь восточным войскам выступил полководец Фригерид с паннонскими и трансальпийскими войсками[28]; кроме того, несколько подразделений привел из Галлии комит Рихомер[29]. Какова была численность западных отрядов – неизвестно, однако общая численность римской армии оказалась такова, что ее полководцы отважились дать сражение при Салиции всей массе готов[30].

После произошедшей битвы Рихомер отправился в Галлию за новыми подкреплениями, а Фригерид, который так же, очевидно, счел нужным отвести свои войска домой, получил тем не менее приказ Грациана вернулся во Фракию[31]. Корпус Фригерида был достаточно многочисленным, поскольку ему удалось уничтожить большой отряд готов и тайфалов, находившийся под командованием готского вождя Фарнобия[32]. Таким образом, мы можем предположить, что уже при Салиции римская армия насчитывала не менее 20 000 человек, однако этого оказалось явно недостаточно, чтобы полностью уничтожить готов. Битва при Салиции была очень кровопролитной, и обе стороны понесли большие потери[33]. Поле боя тем не менее осталось за римлянами: они смогли предать погребению погибших высокопоставленных офицеров. Напуганные готы в течение семи дней не решались покидать свой лагерь[34].

После битвы при Салиции на помощь Профутору и Траяну прибыл, очевидно, с новыми войсками магистр конницы Сатурнин[35]. И только в начале 378 г. Валент наконец-то выступил из Антиохии и направился со всей своей армией к Константинополю[36].

Вряд ли мы можем компилировать рассказы Аммиана и Зосима, касающиеся операции Себастиана, слишком велика разница в приводимых ими фактах. Первый сообщает, что Себастиан взял по 300 солдат из каждого отряда армии Валента, чтобы, воспользовавшись благоприятным моментом, атаковать отряд нагруженных добычей варваров. Второй же утверждает, что солдаты Валента были готовы к бегству и предавались порочным страстям; поэтому Себастиан взял с собой лишь наиболее сильных новобранцев, которых затем некоторое время обучал военной науке. Аммиан утверждает, что военная операция, закончившаяся уничтожением отряда варваров, была проведена в пер-

вую же ночь, после того как Себастиан оставил Адрианополь[37]. Согласно Зосиму, Себастиан вел партизанскую войну и, устраивая засады, неоднократно нападал на варваров. Быть может, мы имеем дело с двумя различными эпизодами войны против готов?

Зосим весьма уважительно относится к Себастиану, бывшему верным соратником Юлиана. Поэтому он склонен преувеличивать его подвиги и пытается показать своему читателю, что избранная Себастианом тактика изматывания варваров в мелких столкновениях была единственно верной. Именно Себастиан, по утверждению Зосима, отговаривал императора от того, чтобы дать готам генеральное сражение[38]. Аммиан же, напротив, утверждает, что Себастиан преувеличил одержанную им победу и сам подталкивал Валента к решающей битве[39]. В конечном итоге, ничего, кроме имени «Себастиан», не объединяет рассказы двух историков. Возможно, Зосим в данном случае спутал Себастиана с Сатурнином, который возглавил римский корпус, действовавший на Балканах после битвы при Салиции, и сумел, не вступая в открытое сражение с готами, окружить их.

Другой немаловажный факт противоречит версии, выдвинутой Г. Дельбрюком: имена Траяна и Сатурнина значатся среди имен офицеров, павших при Адрианополе, а из этого следует, что те 12 армянских легионов, которые находились под их командованием, не исчезли бесследно, но присоединились к императорской армии[40].

После битвы при Салиции, как мы говорили, Рихомер отправился в Галлию, чтобы привести оттуда новые подкрепления. Накануне сражения под Адрианополем он прибыл в лагерь Валента. Аммиан, правда, упоминает, только о письме, которое Рихомер доставил от Грациана, однако то, что оно было доставлено комитом доместиков, свидетельствует, что миссия Рихомера не ограничивалась ролью простого посыльного: по всей видимости, он привел на помощь Валенту какое-то количество западных отрядов. Доказательством этому утверждению может служить неожиданное появление на адрианопольском поле Батавов – ауксилии, входившей в состав галльской армии[41].

Еще один факт свидетельствует в пользу того, что силы, которыми располагал Валент, были весьма внушительными. После разгрома римской армии основная масса уцелевших солдат бросилась в лежащий неподалеку Адрианополь. Однако город не смог принять всех беглецов. Готы подошли к Адрианополю только на четвертый день после состоявшегося сражения[42], но даже и тогда бóльшая часть защитников города находилась за его стенами[43]. Вспомним, что при осаде Амиды в этом небольшом городе-крепости вместе с жителями и беженцами находилось также семь подразделений пехоты и два кавалерийских отряда[44]. Все эти войска должны были насчитывать не менее 8–9 тыс. человек. Адрианополь же, будучи значительно больше Амиды, не смог вместить всех солдат, являвшихся потенциальными защитниками города, поэтому значительная их часть вынуждена была отбиваться от готов под самыми городскими стенами, стоя на бруствере[45]. А ведь уцелела только третья часть армии Валента[46]. Таким образом, мы имеем все основания предположить, что спасшихся солдат было намного больше тех войск, которые обороняли Амиду. По всей видимости, уцелевших оказалось не менее 15–20 тыс. человек.

Какой же можно сделать вывод? При разделе армии в 364 г. под командованием у Валента оказалось не менее 40 тыс. солдат. Планировавшееся по трем направлениям вторжение в Персию предполагало, что у Валента было уже как минимум 50 тыс. солдат: около 12 тыс. должны были выступить из Армении, приблизительно такое же количество должно было действовать на втором второстепенном направлении, и не менее 30 тыс. должно было находиться под командованием самого императора. Конечно же, в состав этой армии попало большое количество вспомогательных готских отрядов, которые Валент не смог использовать для войны на Балканах. Следовательно, в его распоряжении было около 40–45 тыс. солдат. После того как он пополнил эту армию, призвав под свои знамена ветеранов и часть гарнизонных войск, а также получил подкрепления с Запада, его наличные силы должны были увеличиться еще на несколько тысяч человек. Поэтому не покажется преувеличением, если мы предположим, что под Адрианополем римская армия насчитывала не менее 45–50 тыс. солдат.

Относительно численности готов, участвовавших в адрианопольском сражении, мы располагаем столь же неопределенными сведениями. Евнапий утверждает, что их было немногим меньше 200 тыс. воинов[47]. Однако большинство исследователей считает эту цифру явным преувеличением. Поэтому все расчеты основываются на сообщении Аммиана, что передовые римские войска определили численность готов всего в 10 тыс. человек[48].

Прежде чем говорить о количестве готов, собравшихся под Адрианополем, вернемся к событиям, предшествовавшим этому сражению. Отметим, что в 375 г. разрешение перейти через Дунай получили только готы тервинги[49]. Остальным готским племенам было в этом отказано[50].

Количество мужчин, способных носить оружие среди новых переселенцев было не очень велико, по крайней мере, после того, как готы подняли восстание, комит Фракии Лупицин отважился выступить против них, опираясь лишь на войска, находившиеся под его командованием[51]. После того как он потерпел поражение в битве под Маркианополем, к Фритигерну, предводительствовавшему готами, присоединились отряды Сферида и Колии, нанятые Валентом для участия в планировавшейся персидской кампании[52]. Численность этих отрядов также не могла быть чрезмерно большой, ввиду того, что комендант Адрианополя попытался уничтожить их силами фабричных рабочих, которым он приказал раздать оружие. Становится понятно, почему Валент рассчитывал в первый момент подавить готское восстание с помощью корпуса, выведенного из Армении, и вспомогательных войск, обещанных ему Грацианом. Как мы уже отмечали, в битве при Салиции римлянам противостояла не какая-то отдельная группа, а основная масса готов, несколько дней собиравшихся в свой лагерь по приказу старейшин. В IV в. римлянам неоднократно приходилось вступать в сражения с противником, превышавшим по численности их армии в 2 и более раз, и тем не менее одерживать при этом победы. 15–20 тыс. закаленных в боях солдат под командой опытных полководцев вполне могли противостоять 30–50 тыс. плохо вооруженным варварам. После битвы при Салиции готы, понесшие ощутимые потери, призвали себе на помощь гунов и аланов[53]. К этому времени восставшие уже были окружены римскими пикетами, через которые они безуспешно пытались прорваться[54]. Именно подход новых сил варваров заставил римское командование увести свои войска и отдать готам и их новым союзникам на разграбление Фракию[55]. Вместе с гуннами и аланами через Дунай перешли и новые массы готов, прежде всего, гревтунгов и тайфалов[56].

Очевидно, только теперь ситуация приняла катастрофический характер, и Валент, опасаясь, что имевшихся у него сил может быть недостаточно, вновь обратился к Грациану, прося его выступить на помощь со всей своей армией[57]. Это обращение Валента свидетельствует о том, сколь велика стала опасность, в которой оказались балканские провинции Империи[58].

Когда Аммиан говорит, что готов было как песка в ливийской пустыне, и сравнивает их с армией Ксеркса[59], не будем забывать, что речь идет о всей массе переправлявшихся на римский берег, а не о тех, кто был способен носить оружие. Даже если мы предположим, что общая численность готов составляла около 200 тыс., то из всего этого количества лишь около 40 тыс. мужчин могли быть пригодными к военной службе. Неудачные действия римских военных властей в начале восстания привели к тому, что через дунайскую границу начали переправляться все новые толпы варваров, рассчитывавших на богатую добычу. Поэтому, если под Маркианополем и Салицием римлянам пришлось сражаться с 30–40 тыс. готов, то под Адрианополем количество варваров могло быть уже, как минимум, в 2 раза большим.

Валент выступил из Мелантиады в начале августа 378 г.[60] Римская разведка сразу же обнаружила готов и следила за ними в течение трех дней[61]. Наконец, императору было доложено, что в 15 милях[62] от Адрианополя готы в количестве 10 тыс. человек повернули на боковую дорогу, ведущую по направлению к римскому укреплению Ника[63]. Сразу отметим, что Аммиан говорит лишь об **одной части** готского войска, с которой столкнулась римская разведка[64]. Получив это известие, император тут же загорелся желанием вступить в сражение с противником[65], выстроил армию в боевой порядок[66] и поспешил навстречу готам[67]. Из слов Аммиана следует, что Валент рассчитывал встретиться с передовым отрядом варваров еще до захода солнца, иначе его действия трудно объяснить. Тем не менее в этот день римляне так и не обнаружили противника и к вечеру подошли к Адрианополю. При этом представляется странным место нахождения готов: они не только не приблизились к Нике, но оказались еще дальше от Адрианополя, чем были на тот момент, когда их заметили римские патрули. Что же произошло? Почему неминуемое столкновение не состоялось? Г. Дельбрюк полагает, что Валент выступил от Адрианополя по направлению к Филиппополю, когда получил данные разведки, что готы находятся у него в тылу и, двигаясь на Нику, угрожают дороге, ведущей в Константинополь. Это известие заставило римскую армию вернуться назад к Адрианополю[68]. Однако Г. Дельбрюк совершенно не учитывает, что римская разведка постоянно следила за перемещениями готских отрядов, о которых докладывала в императорскую ставку в Нике[69]. Когда же стало известно, что сторожевыми постами противник собирается перекрыть дороги, по которым подвозился провиант для армии[70], то эта попытка была быстро пресечена: специально выделенный римский отряд занял ближайшие горные проходы[71]. Аммиан нигде не говорит, что Валент дважды стоял под Адрианополем, как это пытается представить Г. Дельбрюк, напротив, он сообщает, что, прибыв к городу, Валент тут же укрепил лагерь валом и рвом[72]. Если бы римская армия однажды

уже была у Адрианополя, то она могла просто занять свой старый лагерь. К тому же, для того чтобы двигаться тем путем, каким «посылает» римлян Г. Дельбрюк, необходимы были веские основания. Немецкий исследователь полагает, что такое основание было: стремление Валента соединиться с армией своего племянника[73]. Однако для этого восточному императору было необходимо знать, где именно будет ждать его галльская армия. На тот момент, когда Валент выступил в поход, на руках он имел только сообщение Грациана о его блестящей победе над лентиензами[74]. Западный император находился еще в пути и сам не знал, где и когда он может встретиться с Валентом[75]. Не вернулся еще после своей экспедиции и Себастиан. О нанесенном готам поражении Валент получил от последнего лишь письменное сообщение[76]. Себастиан же, как известно, действовал со своим отрядом в окрестностях Адрианополя, поскольку, выступив утром из города, он к вечеру уже напал на готов[77]. Таким образом, после удачного окончания дела, Себастиан на следующий день мог вернуться в Адрианополь и оттуда отослать свой рапорт в Нику. В противном случае, если следовать логике Г. Дельбрюка, нам придется предположить, что Валент выступил в поход, не дожидаясь исхода предприятия, задуманного Себастианом, и письмо последнего догнало его где-то на пути к Филиппополю…

Итак, мы полагаем, что Валент, получив известия о победах, одержанных Грацианом и Себастианом, посчитал, наконец, что пришло и его время стяжать военные лавры, и двинулся по дороге, ведущей к Адрианополю. Однако через своих лазутчиков готы, очевидно, вовремя получили известие о движении им навстречу огромной императорской армии и, напуганные этим известием, спешно повернули назад. Свой лагерь они разбили на расстоянии 25–28 миль (ок. 41,5 км) от Адрианополя[78].

Действия Валента после прибытия под Адрианополь, на первый взгляд, представляются трудно объяснимыми: вместо того, чтобы преследовать отступающего противника, он останавливается под городом, укрепляет лагерь и ждет известий от Грациана… Во всем этом описании отсутствует какая-либо логика: что заставило императора, еще недавно желавшего немедленно уничтожить готов, усомниться в своих силах? Что побудило часть его военачальников советовать дожидаться прихода галльской армии? Неужели для того, чтобы уничтожить 10 тыс. готов, требовалось соединения в единый кулак всех наличных сил Империи? Нам представляется, что в тексте Аммиана в данном случае присутствует определенная смысловая лакуна. Не думается, что римская разведка допустила серьезную ошибку в определении численности первоначальной массы готов. Как известно, «у страха глаза велики». Поэтому было бы более вероятно, если бы разведчики преувеличили, нежели преуменьшили число врагов. Однако если мы предположим, что разведка ошиблась хотя бы в 1,5–2 раза, это значит, что люди, на которых была возложена задача определить численность противника, были непрофессионалами, совершенно некомпетентными в том деле, которое им было поручено. Не хочется верить, что римское командование отрядило для выполнения столь ответственной миссии дилетантов. По-видимому, разведка обнаружила лишь передовой отряд противника, который, испугавшись неминуемого столкновения с римлянами, повернул на соединение с основными силами, находившимися в районе Адрианополя. Когда Валент подошел к городу, то ему доложили, что численность армии противника значительно возросла. Получив это донесение, император понял, что решить дело одним молниеносным ударом уже не удастся. Именно поэтому, разбив укрепленный лагерь, он стал с нетерпением дожидаться Грациана[79]. Неизвестно, сколько прошло времени до того, как комит доместиков Рихомер доставил в лагерь Валента письмо, извещавшее о скором прибытии западной армии[80]. Трудно предположить, что это произошло в тот же день, когда восточный император встал лагерем под Адрианополем. Ведь прежде чем появиться у Валента Рихомер должен был сначала получить точные данные, где находится его лагерь. Могло пройти несколько дней, прежде чем была получена такая информация. Не будем забывать, что в связи с тем, что готы оккупировали всю территорию Фракии вплоть до Адрианополя, задача, возложенная на Рихомера, была весьма непростой и выполнение ее требовало особой осторожности, а значит и затраты времени. Кроме того, Рихомер мог явиться к Валенту не один, но привести с собой несколько отборных подразделений галльской армии. Движение же воинского контингента по территории, занятой врагами, могло происходить еще более медленно. Только после прибытия Рихомера стал решаться вопрос, что делать дальше: ждать ли подхода галльской армии или же попробовать уничтожить противника, опираясь на собственные силы. Г. Дельбрюк полагает, что Валент не вступил бы в сражение в тот момент, когда западная армия находилась

поблизости от него, если бы не был твердо уверен в своей победе. Рассказ о том, что это желание было рождено завистью к военным успехам молодого племянника, Г. Дельбрюк считает «простой адъютантской сплетней»[81]. Утверждение достаточно спорное.

Вопрос, почему Валент принял решение о выступлении в поход 9 августа, является весьма важным для понимания событий, произошедших в этот роковой для римлян день. С одной стороны, император не блистал полководческими талантами[82], но с другой – он не был дилетантом в военном деле и практически 15 лет стоял во главе армии. Его окружали опытные полководцы, имевшие за плечами десятилетия военной службы. Эти высокопоставленные офицеры отлично знали, на что способны солдаты, которых им предстояло вести в бой, и на что способен противник, с которым предстояло иметь дело. Кроме того, римскому командованию было отлично известно, на каком удалении от Адрианополя находился готский лагерь, были известны дороги, по которым придется идти, и можно было рассчитать время, которое потребуется армии, чтобы проделать этот путь. Выше мы уже отмечали, что римлянам нужно было идти не менее 7 часов в полном вооружении. Подобный марш-бросок противоречил существовавшим римским уставам. Для чего нужен был такой трудный переход, после которого предстояло еще несколько часов сражаться с противником? А если бы готы отказались принимать бой? Что ждало бы в этом случае римскую армию? Обоз со съестными припасами и фуражом оставлен в Адрианополе, разбить лагерь перед вражеским станом было практически невозможно, следовательно, нужно было, после нескольких часов ожидания в строю, развернуться и идти назад. Как долго могла пройти измотанная до крайности армия, и дали ли бы варвары ей такую возможность? Как можно все это объяснить с точки зрения здравого смысла? Почему было, например, если уж решили, по каким-то субъективным или объективным соображениям вступать в бой, не приблизиться к вражескому табору на безопасное расстояние, разбить собственный лагерь, дать людям и лошадям необходимый отдых и на следующий день со свежими силами, в полном боевом порядке подойти к неприятелю? В случае, если готы не захотели бы давать сражение, римляне могли бы вернуться назад к своим палаткам.

Все эти соображения подводят нас к мысли, что 9 августа римляне вообще не собирались вступать в сражение, и Валент до самого начала столкновения рассчитывал, что дело удастся решить мирным путем. Аммиан сообщает, что 8 августа в римский лагерь прибыл христианский пресвитер, передавший императору тайное послание от Фритигерна, в котором тот убеждал Валента подойти к табору готов и демонстрацией мощи своей армии заставить их сложить оружие[83]. Римское правительство по-прежнему видело в готах не столько врагов, сколько землепашцев и солдат, а потому не стремилось совершенно уничтожить их[84].

Но какова в Адрианопольском деле действительная роль Фритигерна? Искал ли он мира с римлянами или желал продолжения войны? События 9 августа доказывают, что у Фритигерна был прекрасно разработанный план сражения. Он с умыслом разбил свой лагерь на расстоянии, пройти которое за один переход можно было только с крайним напряжением сил. После этого он некоторое время избегал столкновения, ожидая вестей о подходе готско-аланской кавалерии, и когда ему сообщили, что она находится на расстоянии менее двух дневных переходов, Фритигерн сразу же начал свои переговоры с Валентом: вождю варваров было известно о подходе западной римской армии и теперь медлить, откладывая решительную битву с Валентом он уже не мог.

Как некогда Юлиан во время персидского похода поверил мнимому перебежчику-персу, так теперь и Валент со своими полководцами посчитали за истину то, что им хотелось считать таковой.

Ход сражения

9 января, оставив обоз и казну в Адрианополе, на рассвете Валент выступил навстречу готам. После трудного многочасового перехода римляне увидели окруженный телегами неприятельский лагерь. Римские полководцы стали выстраивать армию. Центр боевого порядка образовывала пехота; позади ее основной массы был оставлен небольшой резерв из отборных подразделений, среди которых были Батавы[85]. Эскадроны скутариев и конных лучников встали на правом фланге, который был развернут впереди линии фронта пехоты[86]. Левый фланг должны были образовать оставшиеся кавалерийские подразделения, однако бóльшая их часть все еще двигалась к месту предстоящего сражения и прямо с марша занимала свое место в строю.

Готы не желали вступать в сражение, прежде чем им на помощь не подойдут со своей кавалерией вожди Алафей и Сафрак, которые уже были извещены о наступлении римлян и должны были прибыть с минуты на минуту[87]. Чтобы скрыть от неприятеля появление на поле боя ожидаемых подкреплений, готы жгли по всей

равнине костры: вероятно, ветер, дул в сторону римской армии, и дым застилал римлянам глаза, не давая возможности отчетливо видеть того, что происходило у варваров[88]. Как только стало известно, что всадники Алафея и Сафрака уже рядом, готы стали строиться к битве. В то время как варвары толпами в беспорядке выходили из-за стены своих повозок, Бакурий и Кассион, командовавшие правым флангом римлян, посчитали, что настал благоприятный момент для атаки и, не дожидаясь приказа верховного командования, бросились вперед[89].

Возможно, римским всадникам удалось бы опрокинуть неготовых еще к бою варваров, однако, произошло то, чего дожидались готы и чего никак не могли предположить их противники: на поле сражения показалась кавалерия Алафея и Сафрака с отрядами аланских союзников. Завидев неожиданно появившегося неприятеля, римские всадники в панике развернули коней и помчались прочь[90]. Готско-аланская кавалерия во весь опор понеслась во фланг римской пехоте, которая уже завязала сражение с основными силами готов.

Несмотря на тяжелое положение, в котором оказалась в этот момент римская армия, еще не все было потеряно. Эскадроны римской конницы, собранные на левом фланге, отважно помчались в атаку и, опрокинув готов, продвинулись до самого табора. Однако их усилия не были поддержаны теми подразделениями, которые подошли на поле сражения позже и не были еще поставлены в строй[91].

Варвары, «высыпавшие несчетными отрядами» из-за повозок, опрокинули римских всадников. После этого вся римская армия оказалась зажатой в тиски[92]. Римляне отчаянно сопротивлялись. Валент, пробираясь по грудам мертвых тел, бросился к стоявшим «несокрушимой стеной легионам Ланциариев и Маттиариев»[93]. В резерве должны были стоять Батавы, появление которых могло переломить ход сражения. Однако когда комит Виктор поскакал к ним, чтобы привести на помощь, то не смог их найти: вероятно, Батавы предпочли не искушать лишний раз судьбу и позаботились о собственном спасении.

Не в силах выдержать одновременно фронтального и флангового удара, римская пехота, наконец, обратились в бегство. Поражение было полное. Две трети армии во главе с самим императором погибли в этой страшной сече. Потери, понесенные римской армией были очень тяжелыми. Как пишет Аммиан, они остались невосполненными даже к тому времени, когда он заканчивал свой грандиозный труд (ок. 390 г.)[94]. Конец убийствам положила безлунная ночь, позволившая оставшимся в живых добраться до Адрианополя[95].

Г. Дельбрюк посвятил целую главу анализу сражения под Адрианополем, в которой он попытался не только реконструировать ход событий, предшествовавших этому сражению, определить численность армий противоборствовавших сторон, восстановить картину самого сражения, но и ответить на вопрос: в чем же была причина поражения Валента[96]. Исследователь приходит к выводу, что под Адрианополем силы обеих сторон были приблизительно равными, а потому, как он считает, военных оснований для абсолютного разгрома римлян не было. Причину поражения Валента Г. Дельбрюк склонен видеть в том, что арианство императора вызвало резкое недовольство в народе и в среде военных, что повлекло за собой измену части армии и высшего командного состава[97].

Э. Нишер, сравнивая Аргенторатское и Адрианопольское сражения, стремится объяснить их различный исход, во-первых, умелым командованием Юлиана, а, во-вторых, и главным образом, тем, что галльская армия, представляла собой единое целое, в то время как армия Валента состояла из разрозненных отрядов, наспех стянутых из различных провинций[98].

В. И. Холмогоров полагает, что полководцы Валента под Адрианополем имели возможность повторить тот же маневр, который принес успех Юлиану под Аргенторатом (т. е. выдвижение пехотного резерва против атакующей во фланг конницы), однако они не смогли по каким-то причинам этого сделать. Вероятно, этому воспрепятствовало «разложение», царившее в рядах самой римской армии[99]. По мнению В. И. Холмогорова, армия Юлиана состояла главным образом из навербованных волонтеров-германцев, которых можно было своевременною уплатой жалования побудить исправно сражаться. У Валента же основная часть армии состояла из принудительно набранных крепостных-летов. «Таких подневольных солдат варваров никакими усилиями нельзя было воодушевить к бою с варварами-готами, которые могли принести им только освобождение от беспощадно давившей их римской государственной машины, они массами дезертировали из армии еще до столкновения с неприятелем»[100]. Поэтому В. И. Холмогоров, так же как Г. Дельбрюк и Э. Нишер, склонен объяснять поражение римлян под Адрианополем причинами невоенного характера.

Но действительно ли не было чисто военных причин, обусловивших сокрушительное поражение римлян? Ф. Ришардо, уделивший большое внимание анализу Адрианопольско-

го сражения, придерживается прямо противоположного мнения[101]. В общем, принимая для численности обеих армий цифровые данные, предложенные Г. Дельбрюком, он тем не менее склонен считать, что поражение римлян носило исключительно военный характер. Среди главных причин неудачи римлян он называет отсутствие укрепленного лагеря, где армия могла бы подготовиться к сражению и куда она могла бы отступить в случае неудачного исхода боя, а также тот факт, что солдатам не дали возможности отдохнуть и поесть перед столкновением с противником, но прямо с марша заставили их строиться в боевой порядок. Нужны были решительная битва и только полная победа, чтобы этот демарш Валента получил свое оправдание. Тем не менее Валент вместо того, чтобы сразу начать бой, вступил в новые переговоры с Фритигерном, все еще не веря очевидным вещам и еще более изматывая своих и без того утомленных многочасовым переходом и напряженным ожиданием солдат. Неудивительно, что римляне бросились в атаку, не дожидаясь приказов своих военачальников. Стихийно начавшееся сражение Ф. Ришардо называет «солдатской баталией», в которой главнокомандующий не принял никакого участия[102]. При таких обстоятельствах, делает справедливый вывод Ф. Ришардо, любая армия была бы обречена на поражение.

Примечания

[1] Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории / пер. с нем. В. И. Авдиева. СПб., 1994. Т. 2. С. 196–209; Austin N. Ammianus' account of Adrianople: some strategic observations // L'Antiquité classique. 1972. Vol. 15. P. 301–309; Richardot Ph. La fin de l'armée romaine (284–476). Paris, 2005. P. 303–321; Pavan M. La bataglia di Adrianopoli (378) e il problema gotico nell'impero romano // Studi romice. 1978. Vol. 27. P. 153–165; Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа и римская армия IV в. н. э. // Арх. СПбИИ РАН. Рус. секция. Ф. 276. Оп. 2. Ед. хр. 49. Гл. 12. С. 77–80. Отд. нумерация.

[2] Харботл Т. Битвы мировой истории. М., 1993. С. 11; Burns Th. S. The Battle of Adrianople: a reconsideration // Historia. 1973. № 22. P. 336–345.

[3] «Битву при Адрианополе называют великой вехой в западном военном искусстве. С нее якобы началось тысячелетнее господство рыцарей. Такие хилиастические представления неприемлемы с исторической точки зрения. Прежде всего, неправильно считать, что готские всадники отныне стали непобедимыми, равно как нельзя из катастрофы при Адрианополе сделать вывод о превосходстве кавалерии над пехотой» (Вольфрам Х. Готы: от истоков до середины VI в.: опыт ист. этнографии / пер. с нем. Б. П. Миловидов, М. Ю. Некрасов. СПб., 2003. С. 184). Goldsworthy A. Les guerres romaines 281 av. J.-C. – 476 ap. J.-C. / trad. de l'anglais par Muriel Pécastaing-Boissière. Paris, 2001.

[4] Ammianus Marcellinus. Res gestae / rec. V. Gardthausen. Leipzig, 1879; Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. СПб., 1994. XXXI, 4–15.

[5] Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 197.

[6] Аммиан говорит, что Валент приказал полководцу Себастьяну взять из отдельных частей (numeri) армии по 300 человек и с этим отрядом напасть на варваров (Ammianus Marcellinus. Op. cit. XXXI, 9, 2). Зосим, со своей стороны, утверждает, что отряд Себастиана насчитывал 2 тыс. воинов (Zosimus comes et exadvocatus fisci. Historia nova. Leipzig, 1887. IV, 23, 2–4).

[7] Richardot Ph. Op. cit. P. 312–313.

[8] Ibid. P. 313.

[9] Cosme P. L'armée romaine VIII s. av. J.-C. – V s. ap. J.-C. Paris, 2007. P. 253. Система доказательств, используемая некоторыми зарубежными исследователями, не может не удивлять. П. Косм, например, не считает нужным пояснить, откуда он взял приведенные им цифры, а просто заявляет, что в них не может быть никакого сомнения. Но, ведь эти подсчеты основаны на весьма сомнительной гипотезе Г. Дельбрюка, в чем, действительно, не может быть никакого сомнения.

[10] Ammianus Marcellinus. Op. cit. XXXI, 13, 19.

[11] Ibid. XXXI, 13, 18.

[12] Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 205.

[13] Ammianus Marcellinus. Op. cit. XXVI, 5, 1–3.

[14] Ibid. XXIX, 1, 3; XXX, 2, 1.

[15] Ibid.

[16] Ibid. XXVII, 12, 16.

[17] Отметим, что войны с персами всегда требовали от Империи максимального напряжения сил. Какой же численности должна была быть римская армия, чтобы вести подобную войну? Только адекватная той, которую мог выставить против нее персидский царь. Вот несколько известных нам примеров противоборства римлян с персами: в 260 г. император Валериан отправился в Персию с 70 тыс. человек; его армия была разбита, а сам он попал в плен; в течение 337–350 гг. Констанций II вел войну с персами, полагаясь на силы всей своей армии, но постоянно терпел от них поражения (Eutropius. Breviarium ab Urbe Condita, cum versionibus graecis, et Pauli Landolfique additamentis / rec. et adnot. H. Droysen. MGH, LXII. München, 1978; Евтропий. Бревиарий от основания города / пер. Д. В. Кареева, Л. А. Самуткиной; отв. ред. И. В. Кривушин. СПб., 2001. X, 10), хотя силы, которые находились в его распоряжении, насчитывали, очевидно, не менее 50 тыс. человек; Юлиан вторгся в Персию с армией в 50–55 тыс. человек, и его поход также завершился неудачей. Неужели мы можем допустить, что Валент был настолько неблагоразумен, что отважился бы выступить против персидского царя, имея всего 10–15 тыс. солдат? Напомним, что в 359 г. 7 легионов и два кавалерийских отряда безуспешно пытались защитить Амиду, превращенную Констанцием II в мощную крепость (Ammianus Marcellinus. Op. cit. XVIII, 9, 1–2). Было бы странно предполагать, что Валент во главе отряда приблизительно

такой же численности мог отважиться бросить открытый вызов персидскому царю.

[18] Ammianus Marcellinus. Op. cit. XX, 8, 1; XXIII, 2, 6.

[19] После битвы при Адрианополе все они были перебиты по приказу магистра армии Юлия (Ibid. XXXI, 16, 8).

[20] Ibid. XXXI, 12, 1.

[21] Ibid.

[22] Ibid. XXI, 9, 8; Victor Sextus Aurelius. Liber de Caesaribus / rec. F. Pichlmayr. Lipsiae, 1911; Секст Аврелий Виктор. О цезарях / пер. В. С. Соколова // Римские историки IV в. / отв. ред. М. А. Тимофеев. М., 1997. 42, 13; Orosius Paulus. Historiae adversum paganos libri VII / rec. C. Zangemeister. Leipzig, 1891; Павел Орозий. История против язычников. Кн. 1–7 / пер. В. М. Тюленева. СПб., 2001–2003. VII, 15.

[23] Ammianus Marcellinus. Op. cit. XXXI, 11, 2.

[24] Ibid. XXXI, 7, 1.

[25] Ibid. XXXI, 1, 18.

[26] Ibid. XXXI, 7, 2.

[27] Ibid. XXXI, 8, 2.

[28] Ibid. XXXI, 7, 3.

[29] Галльские войска были, правда, ослаблены тем, что многие солдаты дезертировали, не желая оставлять Галлию без защиты (Ibid. XXXI, 7, 4).

[30] В течение нескольких дней готы по приказу своих старейшин со всех сторон стекались в лагерь под Салицием (Ibid. XXXI, 7, 7).

[31] Ibid. XXXI, 9, 3.

[32] Ibid. XXXI, 9, 2–4.

[33] Ibid. XXXI, 7, 16.

[34] Ibid. XXXI, 8, 1.

[35] Ibid. XXXI, 8, 3.

[36] Ibid. XXXI, 11, 1.

[37] Ibid. XXXI, 11, 4.

[38] Zosimus. Op. cit. IV, 23, 6; 24, 1.

[39] Ammianus Marcellinus. Op. cit. XXXI, 12, 1; 6.

[40] Ibid. XXXI, 12, 1; 13, 8.

[41] Ibid. XXXI, 13, 9.

[42] Ibid. XXXI, 15, 3.

[43] Ibid. XXXI, 15, 4.

[44] Ibid. XVIII, 9, 3–4.

[45] Ibid. XXXI, 15, 4.

[46] Ibid.

[47] Eunapius. Fragmenta // Historici Graeci minores. T. 1–2 / ed. L. Dindorfius. Lipsiae, 1870–1871. T. 1; Евнапий // Византийские Историки. Дексипп, Евнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / пер. С. Дестуниса. СПб., 1860. Fr. 43.

[48] Ammianus Marcellinus. Op. cit. XXXI, 6, 1; 3; Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 202.

[49] Ammianus Marcellinus. Op. cit. XXXI, 4, 8.

[50] Ibid. XXXI, 4, 12.

[51] Ibid. XXXI, 5, 9.

[52] Ibid. XXXI, 6, 1; 3.

[53] Ibid. XXXI, 8, 4.

[54] Ibid. XXXI, 8, 3.

[55] Ibid. XXXI, 8, 5–6.

[56] В 375 г. царю гревтунгов Витерику и его опекунам Алафею и Сафраку, а также готскому князю Фарнобию не было позволено переправиться на римскую территорию (Ammianus Marcellinus. Op. cit. XXXI, 4, 12–13). Однако осенью 377 г. Фригерид обнаружил Фарнобия уже во Фракии (Ibid. XXXI, 9, 3), а конница Алфея и Сафрака нанесла римлянам удар в тыл под Адрианополем.

[57] Ibid. XXXI, 10, 3.

[58] Для сравнения отметим, что в 350-е гг., когда аламанны и франки опустошали Галлию и уже селились на захваченных римских землях, Констанций не подумал о том, чтобы подкрепить галльскую армию дополнительными силами, и тем не менее Юлиану удалось восстановить рейнскую границу; в 367 г., когда опасность была не меньшей, Валентиниан I не обратился за помощью к брату, но только силами западных войск изгнал варваров одновременно из Галлии и Британии.

[59] Ammianus Marcellinus. Op. cit. XXXI, 4, 6–7.

[60] Ibid. XXXI, 12, 1.

[61] Ibid. XXXI, 12, 3.

[62] Римская миля (1000 passus) составляет 1481,5 м, таким образом, получается, что варвары приблизились на расстояние около 22 км.

[63] Ника, как нам известно, являлась штаб-квартирой Валента, недалеко от которой, вблизи императорской виллы Мелантиады, разбила лагерь римская армия (Ammianus Marcellinus. Op. cit. XXXI, 11, 2).

[64] Ibid. XXXI, 12, 3.

[65] Ibid.

[66] Ibid. XXXI, 12, 4.

[67] Ibid. XXXI, 12, 3.

[68] Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 198.

[69] Ammianus Marcellinus. Op. cit. XXXI, 11, 2; 12, 2.

[70] Ibid. 11, 2; 12, 2.

[71] Ibid. XXXI, 12, 2.

[72] Ibid.

[73] Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 198.

[74] Ammianus Marcellinus. Op. cit. XXXI, 11, 6; 12, 1.

[75] Ibid. XXXI, 11, 6.

[76] Ibid. XXXI, 12, 1.

[77] Ibid. XXXI, 11, 4.

[78] Аммиан говорит, что выступившая на рассвете римская армия столкнулась с готами «в восьмом часу», или около 14 часов по нашему счету (Ibid. XXXI, 12, 11).

[79] Ibid. XXXI, 12, 4.

[80] Ibid.

[81] Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 199.

[82] Ammianus Marcellinus. Op. cit. XXXI, 14, 3.

[83] Ibid. XXXI, 12, 9.

[84] По мнению А. Барберо, Фритигерн действительно не исключал возможности примирения с римлянами, чтобы затем занять какой-нибудь высокий пост в администрации Империи. С другой стороны, его план обойти армию Валента и отрезать его от столицы провалился, поэтому ему ничего не оставалось делать, как дать битву на выбранной им территории (Barbero A. Le jour des Barbares. Adrinople 9 août 378. Paris, 2006. P. 172–173).

[85] Ammianus Marcellinus. Op. cit. XXXI, 12, 11.

[86] Ibid. XXXI, 12, 12.

[87] Ibid.

[88] Ibid. XXXI, 12, 13.

[89] Ibid. XXXI, 12, 16.

[90] Ibid. XXXI, 12, 17.

[91] Ibid. XXXI, 13, 2.

[92] Ibid. XXXI, 13, 3.

[93] Ibid. XXXI, 13, 8.

[94] Ibid. XXXI, 13, 11.

[95] Ibid.

[96] Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 196–209.

[97] «Так как нельзя обнаружить непосредственно военных оснований для абсолютного поражения одной стороны, то можно предположить, что некоторую роль в этом деле сыграла внутренняя политическая слабость Римской империи – другими словами, измена или по крайней мере недостаточно добрая воля» (там же. С. 205).

[98] Nicher E. Die Schlacht bei Strassburg im Jahre 357 n. Chr // Klio. 1927. S. 403.

[99] «Численное превосходство римлян под Аргенторатом, разумеется, имело некоторое значение, но вряд ли это превосходство было очень велико; использование же артиллерии могло иметь место и под Адрианополем. Наконец, полководческий талант Юлиана мог оказать влияние на ход сражения лишь потому, что германские auxilia из второй или третьей боевой линии, по его приказу, действительно выступили против яростно атаковавшей аламаннской конницы и отразили ее натиск… Следовательно, основную причину Аргенторатского и Адрианопольского сражений необходимо искать, как это, в конце концов, делают и Дельбрюк и Нишер, в состоянии римской армии и всей Империи во время этих сражений. Хотя между Аргенторатом и Адрианополем протекло всего 20 с небольшим лет, процесс внутреннего распада римской полевой армии за этот краткий период далеко продвинулся вперед». (Холмогоров В. И. Указ. соч. С. 78–79).

[100] Там же. С. 79.

[101] Richardot Ph. Op. cit. P. 303–321.

[102] Ibid. P. 319.